

УДК 821.161.1.09

Александр Федута,

кандидат филологических наук, доцент

(Европейский гуманитарный университет (Вильнюс, Литва)

feodor1964@yandex.ru

ЧИТАТЕЛЬ В СОЗНАНИИ Н. М. КАРАМЗИНА ДО "ИСТОРИИ..."

В статье исследуется первый период творчества Н. М. Карамзина, который характеризуется становлением не только как литератора, но и – в первую очередь – как личности. В читательском сознании личность и творчество Н. М. Карамзина, человек и автор, слиты нераздельно. В творчестве Н. М. Карамзина присутствует невероятный эффект самоотождествления читательской аудитории с героями его произведений.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, читательское сознание, "Бедная Лиза", "Письма русского путешественника".

По мнению Ю. М. Лотмана, литературная деятельность Карамзина проходит через пять периодов – так называемый "масонский"; время издания "Московского журнала"; 1793-1800; период "Вестника Европы"; и, наконец, период работы над "Историей государства Российского" [1: 313]. Примем лотмановскую периодизацию за отправную и попытаемся рассмотреть, как именно складывались взаимоотношения Н. М. Карамзина и читательской аудитории до "Истории...".

Первый период творчества Н. М. Карамзина составляет приблизительно четыре года – с 1785 по 1789 гг. Это период его становления не только как литератора, но и – в первую очередь – как личности. Н. М. Карамзин как начинающий автор открыт влияниям каждого встречного "добродетельного человека", которого он добровольно избирает себе в наставники. Показательно, что первый культурный круг, в который попадает покинувший родной Симбирск молодой писатель – "Дружеское типографическое общество" Н. И. Новикова, куда его вводит один из лидеров русского масонства И. П. Тургенев. Это замкнутая масонская организация, свято следующая теоретическим постулатам "вольных каменщиков" в повседневной практической – в том числе и литературной – деятельности. Вот что, например, рассказывал об этом И. В. Лопухин А. Г. Орлову-Чесменскому: "Мы издали много книг. – Конечно, на каждой странице почти каждой из них найдете вы поучение, что надобно истреблять в себе самолюбие, смиряться, все сносить, принимая все от руки Божией, покоряться властям, как от Него поставленным, и тому подобное" [2: 47]. Истребление же самолюбия, о котором говорит И. В. Лопухин, предполагает признание равенства твоей личности и личностей других людей, пусть и стоящих ниже на ступенях социальной лестницы. Это совпадает с идеологией книг, составляющих читательское пристрастие молодого Карамзина, прежде всего французских и английских просветителей [3: 288]. Теория естественного равенства Ж.-Ж. Руссо становится основой карамзинского мировоззрения [1: 313-314].

Следует сделать экскурс в историю взаимоотношений автора и читателя предкарамзинского периода. Для эпохи классицизма было характерно восприятие искусства как особой формы служения. По мнению Ю. М. Лотмана, "поэт выступает в роли носителя высшей истины, а поэтическое слово получает ценность слова, дарованного свыше, наделенного особой авторитетностью, становится Словом" [4: 367]. При этом художник воспринимает себя в качестве особо выделенного Богом и призванного пастыря-проповедника. Естественно, что в этом случае он осознает себя не как частное лицо, равное прочим частным лицам, но как медиума. Его задача состоит не столько в том, чтобы доставлять читающим эстетическое удовольствие (хотя, разумеется, и это тоже), но, в первую очередь, в том, чтобы помочь читателю медленно и трудно, но все же с наименьшими потерями пройти путь к Истине. Неслучайно в предисловиях, теоретических трактатах, непосредственно в текстах художественных произведений акцентируется внимание читателя на тех моментах, на которых он, читатель, просто *обязан* остановиться. "Читатель, который торопится узнать, что произойдет с героями, который глотает страницу за страницей, следя лишь за развитием событий, <...> совершает величайший грех против искусства, вообще против истины" [5: 217]. Автор – учитель, наставник, читатель – ученик, он обязан слушать автора. Так, например, относился к литературе А. П. Сумароков.

По-иному, на первый взгляд, оценивает взаимоотношения автора и читателя Н. И. Новиков, который советует начинающему автору: "<...> избери из своих приятелей друга, который был бы человек разумный, знающий и справедливый: слушай его критику без огорчения; следуй его советам; и хотя оные обидят твое самолюбие, но, однако ж, знай, что они будут иметь действие, подобное горьким лекарствам, от болезней нас освобождающим" [6: 31]. Вместе с тем, и здесь проблема авторитетности мнения читателя стоит весьма остро. Н. И. Новиков, доверяя читателю, словно сомневается в праве автора учить, оставляя читателю право на собственное мнение; "я" добровольно уступает "другому", автор подчиняет свою волю читателю, творчество подчиняется "социальному заказу".

Здесь таится ловушка. Читатель, несущий бремя классицистического отношения к литературе, становится в позу носителя высшей истины. Именно так, наставнически, ведут себя по отношению к молодому Н. М. Карамзину И. П. Тургенев, А. А. Петров, семья Плещеевых. При этом показательны, на наш взгляд, отношения, сложившиеся между Н. М. Карамзиным и А. А. Петровым.

И. И. Дмитриев, хорошо знавший обоих, дает следующую характеристику двоим друзьям: "<...> они были не во всем сходны между собою: один / Карамзин. – А. Ф. / пылок, откровенен и без малейшей желчи; другой / Петров. – А. Ф. / угрюм, молчалив и подчас насмешлив. Но оба питали равную страсть к познаниям, к изящному; имели одинакую силу в уме, одинакую доброту в сердце..." [3: 288]. В своих различиях они явно дополняют друг друга. Причем реальные взаимоотношения отличались от идеальной модели, нарисованной Н. М. Карамзиным в "Цветке на гроб моего Агатона". Анализируя дошедшие до нас фрагменты их переписки (письма Петрова), Р. М. Лазарчук обращает внимание, над чем именно безжалостно иронизирует А. А. Петров: предметом его насмешки становятся "сердечные излияния, обожание друга, восхищение его достоинствами" [7: 138]. В повести "Чувствительный и холодный" Н. М. Карамзин выплеснет наружу обиду: "Холодные люди могут быть только математиками, географами, натуралистами, антиквариями и – если угодно – философами!" [8: 609]. Это, мягко говоря, парадоксальное суждение для Н. М. Карамзина – ученика масонов. Масоны были не только деятельными филантропами, но и философами, их человеколюбие было человеколюбием осмысленным, рационалистическим, просветительским [9: 205]. И именно потому, что Н. М. Карамзин изначально был и оставался для масонов и остального своего окружения этого периода лишь *учеником*, он позже осудит своих *учителей*. Писатель отказался от "вручения своей воли какому-либо руководству" [10: 42], насколько благими не были бы, на первый взгляд, порывы его потенциального руководителя.

Фактически первые произведения Н. М. Карамзина, созданные в этот период, представляют собой пример запрограммированности. Прежде всего, это касается стихотворений, поскольку до 1789 года Карамзин-литератор предстает перед нами преимущественно как поэт. Он не оригинален ни в выборе тем, ни в выборе образцов для подражаний; стихотворения Н. М. Карамзина ориентированы на произведения немецких и английских предромантиков и мистиков.

В принципе, его друзья-масоны должны бы радоваться такому выбору. Однако, такое стихотворение, как "Поэзия" (1787), не могло восприниматься иначе, как вызов: масонская идеология опиралась на идею преемственности, а Н. М. Карамзин перечеркивает в своем произведении предшествующий опыт русской литературы и выражает убеждение в том, что "новый этап начнется с его, Карамзина, творчества. Это была нота, решительно неприемлемая для масонских наставников Карамзина... Карамзин, по их мнению, еще не обладал моральным правом учить людей и, следовательно, мог выполнять литературные поручения наставников, но не становиться на путь самостоятельного творчества" [11: 434]. Н. М. Карамзин порывает с масонами и отправляется в европейское путешествие. Именно это путешествие писателя коренным образом переломит наметившиеся негативные тенденции в общении его с читательской аудиторией, что найдет свое отражение в одном из главных произведений русского сентиментализма – "Письмах русского путешественника".

"Письма русского путешественника" уже в заглавии принципиально ориентированы на читательскую реакцию. "Письма..." есть заведомая форма общения, причем общения, в первую очередь, дружеского¹. Слово "русский" обозначает не только и не столько язык, на котором изъясняется путешественник, одновременно герой и повествователь произведения, сколько точку отсчета его мировосприятия и национальную типичность этого мировосприятия (наличие общего с читателем жизненного опыта). Наконец, понятие "путешественник" обозначает жанровую природу произведения и социально-культурный контекст, от которого отталкивается автор (быть "русским путешественником" мог лишь человек определенного социального статуса).

Как доказал еще В. В. Сиповский, "Письма русского путешественника" не являются реальными письмами реального Н. М. Карамзина, они писались и переписывались длительное время по окончании путешествия 1789-1790 годы [12: 115]. Автор решает в "Письмах..." две важные задачи. Первая задача – *просветительская*. В соответствии с жанровой традицией "травелога" [13: 84-98]. "Письма..." представляют собой совокупность различного рода сведений, которые, по мнению автора, могли бы заинтересовать читателя своей потенциальной *полезностью*, дополняя его образовательный багаж. Вторая задача – *воспитательная*, заключающаяся в том, чтобы, совершенствуя не только *разум*, но и

¹ Есть существенная и принципиальная разница между "письмом" и "посланием": "письмо" адресовано частным лицом частному лицу и по сугубо частному поводу; "послание" же есть акт публичный, общественно значимый. Отсюда – "Письма Эрнеста и Доравры", "Послание Шувалову о пользе стекла". Показательно также, что именно термином "послание" обозначается стихотворное произведение эпистолярного жанра: поэзия закреплена за "высоким" искусством, проза же – "смиренная проза". Письмо Татьяны к Онегину и ответное обращение Онегина в пушкинском "романе в стихах" будут характеризоваться и как "письмо" – с точки зрения их частного, романного содержания, и как "послание" – с точки зрения стихов, составляющих элемент их формы.

чувства *читателей*, воспитать такую аудиторию, которая максимально соответствовала бы потребностям Н. М. Карамзина как автора и чьей эстетической потребности писатель, в свою очередь, сам максимально соответствовал бы как автор.

"Письма..." буквально пронизаны обращениями к читателю. Первое же "письмо" начинается фразой, которая одновременно указывает на изначальный хронотоп путешествия: "Расстался я с вами, милые, расстался!" [8: 57]. Путешествие "молодого, неопытного русского путешественника" [8: 56], как обозначает повествователь себя в предисловии к первому книжному изданию "Писем...", ставит по отношению к повествователю те же задачи, что и по отношению к читателю, не только *начинается в момент расставания с "милыми" (читателями), но и проходит тогда и там, когда и где читателя нет*. Поэтому *опыт рационального познания мира* (в соответствии с первой из обозначенных нами задач) не может быть в данном случае *общим опытом повествователя и читателя*: у повествователя есть явное временное преимущество и возможность выбора познаваемого предмета. Вместе с тем, есть еще одна сторона общего опыта, где и повествователь, и читатель находятся в приблизительно равных условиях – это *опыт эмоционального отношения к миру*. Ведь письмо для того и пишется, чтобы читатель пережил тот же эмоциональный взрыв, который уже пережил автор (повествователь) [14: 60-61]. Они не всегда могут едино мыслить, но они могут едино чувствовать. "Милые мои", "любезные друзья", "любезнейшие друзья мои" – вот те, кому повествователь предлагает заглянуть в "зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев" [8: 504]. И заглянуть в это зеркало – значит, оказать высочайшее доверие, которое в принципе можно оказать лишь очень близкому человеку, причем равному тебе по высоте и напряженности эмоциональных переживаний.

Именно в "Письмах русского путешественника" закладывается особая система взаимоотношений автора и читателя, каждый из которых признает за другим статус, равный его собственному статусу, доверяет его точке зрения и принимает ее как изначальную данность. Это не означает, что из "Писем..." исчезает просветительский пафос: он сохраняется, поскольку читательская аудитория принципиально дифференцирована в авторском сознании; разделяется на тех, кто "уже" входит в круг *единочувствующих*, и тех, кто будет достоин этой чести после того, как чувства его обострятся.

Возвращение Путешественника в Москву, в город, который стал отправной точкой его путешествия, ознаменовано возвращением уже *нового* автора к *прежнему* кругу читателей. Если до путешествия Карамзин был исключительно "ведомым", и само по себе заграничное путешествие было бунтом его против этого статуса, то теперь он оказывается в роли больше знающего и больше чувствующего. Уже не потенциальный читатель (будь то И. П. Тургенев, Н. И. Новиков или же А. А. Петров) ведет за собой Н. М. Карамзина-литератора, а сам Н. М. Карамзин чувствует потребность реализации права стать "ведущим". Право это он реализует в полной мере, приступив к изданию "Московского журнала" в 1791-1792 гг.

Известный дореволюционный исследователь А. П. Пятковский охарактеризовал "Московский журнал" как "первое живое слово в тогдашнем литературном затишье" [15: 41]. По словам исследовавшей эту сторону деятельности Н. М. Карамзина Т. Ф. Пирожковой, он буквально "обрушил на своих читателей массу сведений самого разнообразного свойства" [16: 6]: "здесь были стихи и проза, отчеты о русских и иностранных спектаклях, разборы русских и иностранных книг, анекдоты, переводы Клопштока, Виланда, Гердера и др." [16: 6]. Н. М. Карамзин явно ориентируется на современную ему европейскую журналистику, формируя ту читательскую аудиторию, которую он нашел в Европе во время путешествия и которая уже существовала в его сознании в качестве коллективного образа идеального читателя-адресата. При этом "в "Московском журнале" ведущим предметом читательского спроса стали "Письма...", занявшие, благодаря своему разнообразию, центральное место в издании, что отразилось в публичной идентификации Карамзина как "путешественника" [13: 87]. В "Письмах..." таким образом произошла еще и своеобразная реабилитация скомпрометированного в общественном сознании типа "русского щеголя-петиметра за границей", который до тех пор предстал исключительно в виде новиковского "поросенка", отправившегося, было, получать соответствующее европейским стандартам образование, но вернувшегося оттуда "совершенною свиньей". Карамзинский Путешественник вернулся как раз таким, каким должен был вернуться идеальный "просвещенный молодой человек": повидавший Виланда, побеседовавший с Кантом, осудивший порывы революционной парижской толпы, проникнувшийся духом европейского Просвещения [17: 45]. Происходит общение (пока еще не диалог в собственном значении этого термина) идеального автора и читателя. Идеализация Путешественника-повествователя (и героя) в читательском сознании невольно приводит к тому, что идеализируется и автор. Отношение реальных читателей к реальному Н. М. Карамзину в этот период сродни поклонению [18: 430-456].

Однако реакция читателей, сколь бы благожелательной не была она по отношению к Н. М. Карамзину и его журналу [16: 7], не могла удовлетворить автора именно в силу существовавшей в его сознании концепции всеобщего духовного равенства. Установив принципы равенства между автором и читателем,

писатель органически приходит к необходимости установления тех же принципов и в собственно читательской среде². Эта концепция равенства сродни концепции Ж.-Ж. Руссо, однако без того пафосного воспевания разума, которое было свойственно французским руссоистам вроде Робеспьера. Н. М. Карамзина волнует, в первую очередь, равенство чувств, и все его творчество направлено не на просвещение читательского разума, а, если использовать образ Г. Флобера, на "воспитание чувств".

Н. М. Карамзин осознает, что его аудитория, на самом деле, дифференцирована: "Уже прошли те блаженные и вечной памяти достойные времена, когда чтение книг было исключительным правом некоторых людей; уже деятельный разум во всех состояниях, во всех землях чувствует нужду в познаниях и требует новых, лучших идей" [14: 115]. При этом едва ли не первым из русских авторов он выделяет как отдельную влиятельную группу женщин-читательниц: "Нежное сердце милых красавиц находит в книгах ту чувствительность, те пылкие страсти, которых напрасно ищет оно в обожателях; матери читают, чтобы исполнить тем лучше священный долг свой – и семейство провинциального дворянина сокращает для себя осенние вечера чтением какого-нибудь нового романа. Одним словом, если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь общая и главная в Европе" [14: 116].

Н. М. Карамзин понимает также, что каждая группа читателей ждет своего чтения и ищет его: "Надобно всякому что-нибудь поближе: Одному Жан-Жака / Руссо – А. Ф. /, другому / "Несчастливого" – А. Ф. / "Никанора". Как вкус физический вообще уведомляет нас о согласии пищи с нашею потребностью, так вкус нравственный открывает человеку верную аналогию предмета с его душою; но сия душа может возвыситься постепенно – и кто начинает "Злосчастливым дворянином", нередко доходит до "Грандисона" [14: 119].

Активная деятельность Н. М. Карамзина-писателя таким образом получает свое продолжение и развитие в художественной прозе малых жанров, в первую очередь – в повестях конца XVIII века. Его повесть как жанр адресована всем читателям – поэтому именно в малой прозе происходит окончательная секуляризация языка Н. М. Карамзина: это язык бытового общения, максимально лишенный примет "высокого штиля" и не вызывающий проблем восприятия, вероятно, не только у "образованного" читателя-дворянина, но и у любого читателя, говорящего по-русски. При этом и "низкому штилю" отказывается в праве быть литературным, поскольку это может оттолкнуть как раз "образованного" читателя [19: 39].

Разумеется, наиболее принципиальный характер для нас имеет самое известное произведение Карамзина этого периода – повесть "Бедная Лиза". Именно эта повесть "владела сердцами Русских читателей пятнадцать лет без соперницы, и только в 1808 году она разделила свою славу с *Марьиной роцей* и потом *Людмилой*, первой балладой Жуковского, еще лет на 20!" [20: 205]. "Читатели и читательницы проливали слезы о бедной Лизе, и эти слезы были приятны для них, и повесть открывала им в их собственной душе богатства, ранее скрытые" [5: 434]. Как заметила в 1896 г. Н. А. Белозерская, "небывалый успех "Бедной Лизы" Карамзина представляет едва ли не единственный пример увлечения русской публики подражательной повестью, и это увлечение было вызвано не ее содержанием, а <...> талантом ее автора, так как талант всегда обаятельно действует на толпу" [21: 84].

В. Н. Топоров, скрупулезно исследовавший этот маленький шедевр, описывая степень точности карамзинского пейзажа, задается правоммерным вопросом: "Ну зачем, скажем, в сентиментальной повести, где главное – чувства, приводить цифровые данные топографического характера? На какого читателя рассчитывал Карамзин? До того ли этому читателю, скорее уж чуткому и сострадательному, чем трезвому и нуждающемуся в эмпирической точности, знать, что хижина, в которой жила Лиза со своей матерью, была "саженях в *семидесяти* от монастырской стены"... Не опасался ли Карамзин, что читатель, приближающийся к нему по точности и изощренности и сам желающий войти в силовое поле "Бедной Лизы", в атмосферу душевности, ею создаваемую, проверит его числовые характеристики (благо он, читатель, знает две точки из трех *точно* – монастырь и пруд)?" [22: 112-113]. Фактически в этой цитате помимо вопроса ("На какого читателя рассчитывал Карамзин? ") содержится и ответ ("...он, читатель, знает..."). Повесть написана для едино чувствующих с автором и едино с ним знающих. Если "Письма русского путешественника" были адресованы читателю, который только *хотел узнать* то, что *уже знал* автор, то "Бедная Лиза" есть художественный результат общего жизненного (в первую очередь, этического, нравственного) опыта автора и читателя. Читатель знаком если не с самой коллизией взаимоотношений Лизы и Эраста, то, несомненно, с теми чувствами, которые она вызывает у автора. Неслучайно Н. М. Карамзин восклицает: "Ах! Для чего пишу не *роман*, а печальную *быль*? " [8: 518] (Выделено нами. – А. Ф.). В "*романе*" возможны определенные недомолвки и недосказанности, "*быль*" же предполагает всеведение читателя [23: 616-619].

Отсюда и еще одна особенность "Бедной Лизы". Читатель не только знает столько же, сколько знает автор и герои (в частности, повествователь). Читатель получает возможность спроецировать чувства

² Здесь уместно вспомнить принципы построения масонских лож, где равны были все, хотя и внутри своих "разрядов": российский аристократ мог оказаться в масонской иерархии ниже губернатора своих детей.

героев на собственные чувства (поскольку автор и повествователь в его сознании слиты, и если автор чувствует ту же сердечную боль, что и Лиза с Эрастом, то предполагается, что и читатель с ним *едино чувствует*). Отсюда невероятный (если не считать феномена гетевского Вертера) эффект самоотождествления читательской аудитории с героиней повести Н. М. Карамзина. Это будет казаться смешным спустя тридцать лет, и карамзинская цитата "Законы осуждают..." из "Острова Борнгольм" в устах пошляка Хлестакова будет сигналом к тому, что время уже изменилось, элитарное и новое стало восприниматься как расхожее и затасканное. Вместе с тем показательно, что тот же Хлестаков, не задумавшись посягнувший на авторское право по отношению к "Юрию Милославскому" и сочинениям Барона Брамбеуса, помнит о том, что "Богу – Богово", Н. М. Карамзину – карамзинское: "И Карамзин сказал – *законы осуждают!*" [24: 66]. В читательском сознании личность и творчество Н. М. Карамзина, человек и автор слиты нераздельно.

Это будет продолжаться до начала работы Н. М. Карамзина над "Историей государства Российского" до указа Александра I от 31 октября 1803 года, которым император назначает *писателя историографом*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789-1803) / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Карамзин. – СПб, 1997. – С. 312–348.
2. Лопухин И. В. Записки сенатора / И. В. Лопухин. – Лондон : Репринтное воспроизведение, 1859. – М. : Наука, 1990. – 211 с.
3. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь / И. И. Дмитриев // Дмитриев И. И. Сочинения. – М., 1986. – С. 268–375.
4. Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 364–379.
5. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века : дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов / Г. А. Гуковский. – М. : Академия наук, 1936. – 236 с.
6. Новиков Н. И. Смеющийся Демокрит / Н. И. Новиков. – М. : Сов. Россия, 1985. – 365 с.
7. Лазарчук Р. М. Переписка Н. М. Карамзина с А. А. Петровым (К проблеме реконструкции "романа в письмах") / Р. М. Лазарчук // XVIII век. – СПб, 1996. – Сб. 20. – С. 135–143.
8. Карамзин Н. М. Сочинения : [в 2 т.] / Н. М. Карамзин. – Т. 1. – СПб : Худ. литература, 1984. – 671 с.
9. Эйхенбаум Б. М. Карамзин / Б. М. Эйхенбаум // Б. М. Эйхенбаум. О прозе. – Л., 1969. – С. 203–213.
10. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Карамзин. – СПб, 1997. – С. 10–311.
11. Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Карамзин. – СПб, 1997. – С. 418–456.
12. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор "Писем русского путешественника" / В. В. Сиповский. – СПб, 1899. – 578 с.
13. Ключкин К. Сентиментальная коммерция : "Письма русского путешественника" Н. М. Карамзина / К. Ключкин // Новое литературное обозрение. – № 25. – 1997. – С. 84–98.
14. Карамзин Н. М. Сочинения : [в 2 т.] / Н. М. Карамзин. – Т. 2. – СПб : Худ. литература, 1984. – 671 с.
15. Пятковский А. П. Русская журналистика при Александре I / А. П. Пятковский // Современник. – 1866. – № 1. – С. 19–49.
16. Пирожкова Т. Ф. Н. М. Карамзин – издатель "Московского журнала" (1791-1792) : [лекции] / Т. Ф. Пирожкова. – М. : Издательство Московского университета, 1978. – 57 с.
17. Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785-1803) / Л. Г. Кислягина. – М. : Издательство Московского университета, 1976. – 196 с.
18. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 591 с.
19. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Н. М. Карамзин. – СПб, 1866. – 483 с.
20. Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников : [материалы для биографии с примечаниями и объяснениями : в 2 ч.] / М. П. Погодин. – Ч. 1. – М., 1866. – 400 с.
21. Белозерская Н. Василий Трофимович Нарезный : Историко-литературный очерк / Н. Белозерская. – СПб, 1896. – 159 с.
22. Топоров В. Н. "Бедная Лиза" Карамзина : Опыт прочтения / В. Н. Топоров. – М. : Издательский центр Российского Государственного Гуманитарного Университета, 1995. – 512 с.
23. Лотман Ю. М. Об одном читательском восприятии "Бедной Лизы" Н. М. Карамзина (К структуре массового сознания XVIII в.) / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Карамзин. – СПб, 1997. – С. 616–620.
24. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем : [в 24 т.] / Н. В. Гоголь. – Т. 4. – М. : Наука, 2004. – 914 с.

REFERENCES (TRANSLATED & TRANSLITERATED)

1. Lotman Yu. M. Evolyutsiya mirovozzreniya Karamzina (1789-1803) [Karamzin's Evolutionary World View (1789-1803)] / Yu. M. Lotman // Lotman Yu. M. Karamzin [Lotman Yu. M. Karamzin]. – SPb, 1997. – S. 312–348.
2. Lopukhin I. V. Zapiski senatora [Senator's Notes] / I. V. Lopukhin. – London : Reprintnoe vosproizvedenie, 1859. – M. : Nauka, 1990. – 211 s.
3. Dmitriev I. I. Vzgliad na moyu zhizn' [The View on My Life] / I. I. Dmitriev // Dmitriev I. I. Sochineniia [Dmitriev I. I. Works]. – M., 1986. – S. 268–375.
4. Lotman Yu. M. Russkaia literatura poslepetrovskoy epokhi i khristianskaia traditsiya [The Russian Literature of the Post-Petrov's Epoch and the Orthodox Tradition] / Yu. M. Lotman // Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola [Yu. M. Lotman and Tartu-Moscow Semiotic School]. – M., 1994. – S. 364–379.

5. Gukovskiy G. A. Ocherki po istorii russkoy literatury XVIII veka : dvoryanskaya fronda v literature 1750-kh – 1760-kh godov [Essays on the History of the Russian Literature of the XVIII Century : the Noble Fronde in the 1750-1760 Years] / G. A. Gukovskiy. – M. : Akademiya nauk, 1936. – 236 s.
6. Novikov N. I. Smeyushchiyasia Demokrit [Smiling Democritus] / N. I. Novikov. – M. : Sov. Rossiya, 1985. – 365 s.
7. Lazarchuk R. M. Perepiska N. M. Karamzina s A. A. Petrovym (K probleme rekonstruktsii "romana v pis'makh") [The Letter Writing between N. M. Karamzin and A. A. Petrov (To the Issue of Reconstructing of the Epistolary Novel)] / R. M. Lazarchuk // XVIII vek [The XVIII Century]. – SPb, 1996. – Sb. 20. – S. 135–143.
8. Karamzin N. M. Sochineniya [Works] : [v 2 t.] / N. M. Karamzin. – T. 1. – SPb : Khud. literatura, 1984. – 671 s.
9. Ekhenbaum B. M. Karamzin [Karamzin] / B. M. Ekhenbaum // B. M. Ekhenbaum. O proze [B. M. Ekhenbaum. On Prose]. – L., 1969. – S. 203–213.
10. Lotman Yu. M. Sotvorenie Karamzina [Karamzin's Development] / Yu. M. Lotman // Lotman Yu. M. Karamzin [Lotman Yu. M. Karamzin]. – SPb, 1997. – S. 10–311.
11. Lotman Yu. M. Poezii Karamzina [Karamzin's Poetry] / Yu. M. Lotman // Lotman Yu. M. Karamzin [Lotman Yu. M. Karamzin]. – SPb, 1997. – S. 418–456.
12. Sipovskiy V. V. N. M. Karamzin, avtor "Pisem russkogo puteshestvennika" [N. M. Karamzin, the Author of "Letters of a Russian Traveller"] / V. V. Sipovskiy. – SPb, 1899. – 578 s.
13. Klyuchkin K. Sentimental'naya kommertsiya : "Pis'ma russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina [The Sentimental Commerce : "Letters of a Russian Traveller" by N. M. Karamzin] / K. Klyuchkin // Novoe literaturnoe obozrenie [The New Literary Review]. – № 25. – 1997. – S. 84–98.
14. Karamzin N. M. Sochineniya [Works] : [v 2 t.] / N. M. Karamzin. – T. 2. – SPb : Khud. literatura, 1984. – 671 s.
15. Pyatkovskiy A. P. Russkaya zhurnalistika pri Aleksandre I [Russian Journalism under Alexander, the I] / A. P. Pyatkovskiy // Sovremennik [Contemporary]. – 1866. – № 1. – S. 19–49.
16. Pirozhkova T. F. N. M. Karamzin – izdatel' "Moskovskogo zhurnala" (1791-1792) [N. M. Karamzin – the Publisher of the "Moscow Journal" (1791-1792)] : [leksiii] / T. F. Pirozhkova. – M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978. – 57 s.
17. Kislyagina L. G. Formirovanie obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov N. M. Karamzina (1785-1803) [The Formation of N. M. Karamzin's Social-Political Views (1785-1803)] / L. G. Kislyagina. – M. : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. – 196 s.
18. Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and Culture in Russia of the XVIII Century] / V. M. Zhivov. – M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. – 591 s.
19. Pis'ma N. M. Karamzina k I. I. Dmitrievu [Letters by N. M. Karamzin to I. I. Dmitriev] / N. M. Karamzin. – SPb, 1866. – 483 s.
20. Pogodin M. P. Nikolay Mikhaylovich Karamzin, po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov [Nikolay Mikhaylovich Karamzin, His Works, Letters and Review] : [materialy dlia biografii s primechaniyami i obiasneniyami] : [v 2 ch.] / M. P. Pogodin. – Ch. 1. – M., 1866. – 400 s.
21. Belozerskaya N. Vasilii Trofimovich Narezhnnyy : Istoriko-literaturnyy ocherk [Vasilii Trofimovich Narezhnnyy : Historical-Literary Essay] / N. Belozerskaya. – SPb, 1896. – 159 s.
22. Toporov V. N. "Bednaya Liza" Karamzina : Opyt prochteniya ["Poor Liza : the Reading Experience] / V. N. Toporov. – M. : Izdatel'skiy tsentr Rossiyskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta, 1995. – 512 s.
23. Lotman Yu. M. Ob odnom chitatel'skom vospriyatii "Bednoy Lizy" N. M. Karamzina (K strukture massovogo soznaniya XVIII v.) [On a Reader's Perception of "Poor Liza" by N. M. Karamzin (to the Structure of the Mass Consciousness of the XVIII Century)] / Yu. M. Lotman // Lotman Yu. M. Karamzin [Lotman Yu. M. Karamzin]. – SPb, 1997. – S. 616–620.
24. Gogol' N. V. Poln. sobr. soch. i pisem [The Full Collection of Works] : [v 24 t.] / N. V. Gogol'. – T. 4. – M. : Nauka, 2004. – 914 s.

Матеріал надійшов до редакції 11.05. 2015 р.

Федута О. Читач у свідомості М. М. Карамзіна до "Історії...".

У статті досліджено перший період творчості Н. М. Карамзіна, який характеризується становленням не тільки як літератора, але і – в першу чергу – як особистості. У читацькій свідомості особистість та творчість Н. М. Карамзіна, людини та автора, є нероздільними. У творчості Н. М. Карамзіна присутній неймовірний ефект самоотождення читацької аудиторії з героями його творів.

Ключові слова: Н. М. Карамзін, читацька свідомість, "Бідна Ліза", "Листи російського мандрівника".

Feduta O. The Reader in N. M. Karamzin's Perception Prior to "History...".

The article describes the first period of N. M. Karamzin's oeuvre, which is characterized by his formation not only as an author but as a person. The personality and oeuvre of N. M. Karamzin in the reader's consciousness are undivided. There is the unbelievable effect of the readers' self-identification as characters of Karamzins' creations. "Letters of a Russian Traveler" was addressed to the reader who wanted to know things that the author had already known. But "Poor Liza" is the artistic result of the common experience by the author and the

reader. The reader knows Liza and Erast's feelings and the author's feelings about the relationship of these characters. The reader knows everything that knows the author and the characters. The reader gets the ability to project the feelings of characters on his own feelings. There is the special system of relationship between the author and the reader, each of them recognizes the role of the other which is equal to his own. He trusts the point of view of the other one and accepts it as the original. It doesn't mean that the enlightenment pathos disappears from "Letters...": it is in save because the reader's audience is differentiated in the author's consciousness; it is divided to those who "already" are in the area of united-sentient and those who will be worthy of this honor after his feelings will be sharpened. The return of The Traveler to Moscow, the city which became the beginning of his travel, meant the return of the new author to the previous readers. Before the trip Karamzin was driven and this foreign travel was a revolt against this status. But after this he became wiser and sensible. And after this Karamzin-writer was not driven by someone from his readers (as I. P. Turgenev, N. I. Novikov or A. A. Petrov), but N. M. Karamzin felt the need to make his right of being the one who drives.

Key words: *N. M. Karamzin, reader's consciousness, "Poor Liza", "Letters of a Russian Traveler".*